

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:352.93(470.1)"17"

**Их мир не избирал
(о неформальном общественном служении
в северной общине XVIII в.)**

Камкин А.В.¹

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные формы неформального общественного служения в северной деревне XVIII века. Показывается, как эти формы служения существенно расширяли возможности и функции общинного самоуправления. В условиях черносошно-государственной деревни общественный характер приобретали некоторые виды, казалось бы, частной деятельности, что, несомненно, усиливало вклад крестьянства в материальную и духовную культуру региона.

Ключевые слова: неформальное общественное служение, грамотеи, книжники, старожилы, сказители, песенники, паломники, знахари.

**Society did not choose them
(on the informal public ministry
in the Northern community of the 18th century)**

Kamkin A.V.¹

Abstract. This article discusses the informal form barely Public Ministry in the northern village of XVIII century. Shows how these forms of service significantly expanded features and functionality of the community self-management. In the conditions of

the state (chernososhnaya) village, certain types of private activity acquired a social character, which undoubtedly increased the contribution of the peasantry to the material and spiritual culture of the region.

Keywords: informal public service, literacy, scribes, old-timers, storytellers, songwriters, pilgrims, healers.

¹*Камкин Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета. ул. Мальцева, 2, 160001, г. Вологда, Российская Федерация.*

Kamkin Aleksandr Vasil'evich. Dr. Sci. (History), Professor, head of Department of theory, cultural history and Ethnology, Vologda State University. Mal'tseva str., 2, 160001, Vologda, Russian Federation.

E-mail: alkamkin@yandex.ru

© **А.В. Камкин**

Уникальный опыт северорусского крестьянского общинного самоуправления XVII – XIX веков достаточно хорошо изучен. Европейский Север справедливо воспринимался и воспринимается исследователями как территория, по меткому выражению А.И. Солженцына, «демократии малых пространств». Изучены состав и деятельность крестьянских должностных лиц, круг полномочий мирских сходо́в, нормы и практика обычного права и многое другое.

Но есть в этой теме и малоизученные страницы. Дело в том, что в крестьянских сообществах всегда существовала возможность для неформального участия в мирских делах. Проявившиеся на этом пути деревенские общественные деятели заметно отличались от официальных лиц деревенского самоуправления. Они не обладали каким-либо специальным публично-правовым статусом. Их не избирал "мир" и не требовал отчета, не давал официальной оценки их общественному служению. И, тем не менее, крестьянской средой они безусловно осознавались, а их деятельность ощущалась. Рассмотрим наиболее значительные проявления неформального общественного служения.

Грамотеи. Грамотность северного крестьянства XVIII века не поддается точным подсчетам, и не случайно в специальной литературе о ней нет окончательных данных. Так, авторы «Истории северного крестьянства», опираясь на материалы подворной переписи Архангельской губернии 1785 года, полагают, что в Архангельском уезде знающих грамоту взрослых и обучающихся мальчиков было 9,5% общего числа всего мужского населения, в Холмогорском - 9,4%, в Онежской округе - 9,2%. Если же иметь в виду не все мужское население, а лишь мужчин старше 14 лет, то показатели по этим уездам возрастают до 12,4-12,8%. Уровень грамотности в других уездах, особенно удаленных от Сухонско-Двинской речной магистрали, был несколько ниже. Так, в Шенкурском уезде процент дворов с грамотными мужчинами был 5,6% [9, С. 412-413]. В первой четверти XVIII столетия доля дворов с грамотными мужчинами в волостях Яренского уезда устанавливается от 0,3 до 4,2% [3, С. 43]. Эти и другие аналогичные данные позволяют нам присоединиться к мнению исследователей об относительно высокой грамотности свободных от личной зависимости крестьян, о северном крестьянстве как одном из наиболее грамотных отрядов сельского населения России.

Вместе с тем, очевидно, что уровень самой грамотности был различен. Грамотностью активной, т.е. способностью сочинить и написать какую-либо бумагу, письменно оформить свои мысли, а также прочесть и правильно понять книгу или «печатный плакат», владел не каждый из умевших читать и писать. А именно это в глазах крестьянского мира ценилось особенно высоко. Вот почему деревенский грамотей, даже не занимая официальных мест в мирской иерархии, всегда был на виду. Грамотность никогда не была лишь личным достоянием крестьянина, она волей-неволей выводила его на пути общественного служения.

Чаще всего оно могло состояться на сельском сходе, где неграмотные участники просили грамотея "приложить руку" за них. Согласие поставить свое имя на общественном документе в качестве "рукоприкладства" означало готовность взять на себя большую долю ответственности, нежели другие, поскольку нередко последствием такого документа было наведение властями всякого рода справок, вызовов на допрос, следствие и т. п. и одними из первых в поле зрения администрации вслед за посыльщиками попадали "рукоприкладчики". Зная это, мир

старался отыскать грамотеев с безупречным поведением и отвечал на их согласие уважением и почетом.

Рассмотрим для примера семь мирских приговоров Мольской волости Тотемского уезда за 1788-1795 годы, посвященные различным общим проблемам [5]. Роль грамотеев в их утверждении и свидетельствовании отражена в таблице 1. Персональный учет грамотеев показывает, что всего под этими приговорами собственноручно поставили свою подпись 22 крестьянина. Четырнадцать из них расписались не только за себя, но и за неграмотных участников схода, "по их соглашению", взяв на себя, таким образом, большую долю ответственности, чем остальные. Четверо крестьян совершили такое действие неоднократно. Так, Алексей Левинский из д. Пустошь Никольского прихода Мольской волости приглашался в мае 1788 года в д. Мамонкино Троицкого прихода на утверждение приговора по итогам подушного раздела земель и подписался за Ивана Красильникова. В августе того же года он ставит подпись по прошению 24-х из 126 участников схода многоземельных. Из обратившихся к нему с просьбой две трети проживали за пределами его родного прихода. Сход возглавлял староста 1788 года Ефим Ушаков, который также просил Алексея Левинского поставить за него свою подпись. Затем "рукоприкладство" А. Левинского встречается через 8 лет в приговоре межволостного схода, где он был включен в делегацию Мольской волости, состоявшей из старосты, сотского, пятидесятских и семерых мирских людей. Вероятно, авторитет его имени был настолько известен, что посчитали достаточным от имени Мольской волости иметь одно его "рукоприкладство".

По-иному выглядела общественная деятельность другого грамотного крестьянина Дорофея Попова из Устьянской Дмитриевской волости. В 1779 году он "заручил" жалобу крестьянской вдовы на оскорбления и угрозы, направленную на имя сотского. В 1787 году подписывает "извет", вызванный земельным конфликтом трех братьев, по просьбе одного из них. Через два года Дорофей Попов "руку приложил" под мирским приговором о "поровнении душ между крестьянами". Об этом его просили 8 из 25 участников мирского схода.

Таблица 1

**Участие грамотных крестьян
в утверждении мирских приговоров
(Мольская волость Тотемского уезда)**

Сведения о сходе		Всего участников схода, утвердивших их приговор	Из них лично подписавшихся (грамотных)	
			Всего	В т.ч. за себя и неграмотных
1788 г., май	Деревенский сход, утверждавший итоги подушного раздела земель.	16	4	4
1788 г., август	Частный сход, принявший обязательство многоземельных крестьян платить за излишние души по мирской раскладке при условии сохранения за большеземельными излишних земель.	126	8	8
1788 г., август	Мирской сход, решивший просить зачесть за рекрута мобилизованного плотника.	74	6	2.

1789 г., ноябрь	Неполный мирской сход, утвердивший доверенность на содержание “питейного дома”.	14	3	2
1791 г., декабрь	Мирской сход, определивший кандидатуру рекрута.	40	1	1
1792 г., январь	Мирской сход, избравший мирского старосту.	40	5	2
1795 г., март	Межволостной сход, потребовавший выплаты денег за “почтовую гонбу”.	15	1	1

В 1792 году подпись Дорофея Попова ставится на прошении крестьянки вдовы Ирины Казаковой, направляемой Красноборскому исправнику. В этом же году он подписывает (а судя по почерку - сам пишет) прошение крестьянина Софрона Сысоева на своего брата Федора. Еще через четыре года по просьбе 3-х крестьян он ставит свою подпись под "объявлением" - докладом о неисполнении в их волости приказа помощника Вологодского экономии директора о разделе пахотной земли и сенокосов по душам [17]. Итак, его подпись сохранилась в основном на частных документах 70-90-х годов XVIII века (жалобах, извещениях, объявлениях и т. п.). Происходил он из д. Олферовской, откуда в 1740-90-е годы вышли двое сотских, староста, заседатель и земский пищик. Неплохо владел пером - сохранилось несколько документов не только подписанных, но и написанных им, в частности, его собственное прошение сотскому Леонтию Илатовскому, в котором он просил оградить

его от обид и материального ущерба, наносимого упоминаемым выше Федором Сысоевым [18]. Прошение показывает хорошее знание судебных порядков, автор особо выделяет доводы, которые в первую очередь определяют ход разбирательства в его пользу – указывает свидетелей обид, ссылается на решения прежних мирских сходов, обвиняет обидчика в угрозах лишить его жизни; одним словом, проявляет незаурядный опыт человека, многократно имевшего дело с судами или разбирательствами. Судя по всему, Дорофей Попов нажил на поприще грамотея-"рукоприкладчика" немало врагов и потому крайне редко приглашался на подписание актов общемирского характера.

Помимо рукоприкладства, на грамотеев чаще, чем на неграмотных, возлагались различные официальные обязанности. Н.П. Воскобойникова показывает, что грамотных среди целовальников сысолевских волостей в 1707 году было около 9%, а яренских волостей (1710 г.) - около 5%, в 1719 году среди десятских двинских волостей было около 12% грамотных, а кеврольских и мезенских волостей - более 9% [3, С. 43]. Эти проценты выше общего уровня грамотности.

Характерным для XVIII века, особенно его второй половины, стало привлечение деревенских грамотеев к различного рода переписям и массовым сборам письменных сведений по "запросным пунктам". Так, в значительной степени силами местных грамотеев готовились предварительные материалы известной подворной переписи Архангельской губернии 1785 года. Для их подготовки, как полагает П.А. Колесников, потребовалось в 269 общинах-чолостях около 3 тысяч грамотных крестьян. С их помощью были записаны ответы на сотни вопросов трех ведомостей, создан уникальный источник по истории Российского Севера [1; 11; 9, С. 412].

Важно и то, что грамотные крестьяне, при отсутствии в деревне XVIII века какой-либо системы государственных школ, фактически продолжали соучаствовать в воспроизводстве грамотности среди новых поколений. Есть факты перерастания такой деятельности в профессиональную, в своего рода интеллектуальное ремесло: материалы переписи 1785 года фиксируют в крестьянской среде "мастеров грамоты" – переходящих учителей [12, С. 143-148]. Но чаще всего грамотный естественным образом брал на себя труд по обучению чтению и письму своих детей. Складывались династии грамотеев, в

семьях которых первые шаги к грамотности и книжности дети совершали с помощью своих родителей. Порой три-четыре поколения проходили этот путь по одним и тем же книгам, учение всегда сопровождалось поучениями нравственного и религиозного содержания.

Особую роль в истории народной культуры сыграли грамотные крестьяне-старообрядцы. Их общественное служение – особая и большая тема, много и активно исследуемая в нашей литературе, осветить которую в настоящей статье не представляется возможным. Укажем лишь, что в старообрядческой среде доля грамотного населения была традиционно выше и общественная роль грамотности осознавалась глубже. Помимо своего обычного прикладного значения, она воспринималась как средство сохранения и умножения духовного богатства старообрядчества. На грамотеев-старообрядцев чаще, чем в иной среде, возлагалась ответственная миссия быть переписчиком различных произведений старообрядческой книжности.

Книжники. Грамотность крестьянина очень часто сопровождалась книговладением и систематическим чтением, книгообменом и книготорговлей. Деревенские книжники также оказывались в центре общественного внимания. Книга, ставшая личной собственностью крестьянина, как правило, "служила" не только ему одному. Книжные знания вызывали уважение, их авторитет как бы переносился на хозяина книг, последний же не упускал случая сослаться на них, процитировать, а то и прочесть книгу вслух. Известны традиции громкого чтения зимними вечерами, особенно книг духовного, нравственного и исторического содержания.

Любители чтения оказывали воздействие и на формирование библиотек приходских церквей: дарили или вкладывали свои книги, покупали их по заданию "мирских людей", переписывали рукописные сборники. Важно отметить, что при общем ослаблении в XVIII столетии культурно-воспитательной роли северных монастырей, подорванных секуляризацией или вовсе исчезнувших в ходе ее, роль книжных собраний приходских церквей и личных крестьянских библиотек становилась все более значительной, что и придавало книговладению характер общественного служения.

Старожилы. Вместе со старостью к крестьянину, сохранявшему ясный ум и хорошую память, приходили

традиционные обязанности старожилы: участвовать в освидетельствовании давности владения, давать устные справки о родстве лиц, в том числе и умерших, подтверждать факты дарения, раздела и наследования имущества и т. д. Эти права и функции старожилы считались общепризнанными. Так, два брата Синицких, подавая в 1767 году доношение сотскому Устьянской Дмитриевской волости о неправильном владении земельным участком крестьянином Антипой Обориным, просят для доказательства своих прав на него "старожилы допросить". Впоследствии семеро стариков (каждый старше 70 лет) показали по памяти, что "владение Синицких под Обориным не бывало", и свидетельство оказалось решающим при окончательном решении спора [19].

В 1759 году старожил Семен Кошелев д. Куриловской той же волости поставил свою подпись в качестве свидетеля при передаче вновь избранному сотскому копий с указов. В феврале 1767 года под приговором об избрании поверенного от Дмитриевской волости для дальнейшего участия в избрании провинциального депутата в Уложенную Комиссию из 24 крестьян, пятеро являлись старожилы [19]. К показаниям старожилы обращались и государственные органы. Так, в 1781 году Никольская нижняя расправа, разбирая чрезвычайно запутанное дело об оброчных сенных пожнях, как к последней инстанции, могущей прояснить истину, обращалась к свидетельству старожилы. При этом требовала привести их к присяге [2].

Старожилы приглашались на рассмотрение дел "о блудном чреве", их мнение особо весомо было при разрешении конфликтов бытового характера, при грубом нарушении общепринятых стереотипов поведения.

Так, жизненный опыт и авторитет возраста открывали крестьянину еще один посильный путь для общественного служения.

Сказители. Песенники. Собиратели и исследователи российского фольклора, начиная со времени П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, всегда подчеркивали значение творческой личности сказителя и песенника. "Каждая былина вмещает в себе - и наследие предков и личный вклад певца", - отмечал А. Ф. Гильфердинг, характеризуя северорусские сказительские "школы". Размещение эпических песен по певцам стало с тех пор обязательным правилом всех публикаций фольклора [21].

Собиратели не затруднялись поисками сказителей: их имена и место жительства были хорошо известны в крестьянской среде, в этом проявилось их общественное признание. Не превращая свое мастерство в профессию, не порывая с крестьянским трудом, они хранили в своей памяти эпические песни, длившиеся иногда по два и по три часа [20, С. 30]. Имена героев и живые очертания характеров, факты истории и их морально-этическая окраска, образы далеких стран и картины родной природы – все это перенималось одним сказителем у другого с поразительной точностью и тщательностью. Информативность многих произведений устного народного творчества была весьма высокой. В XVIII веке она стала заметно насыщаться сведениями военно-исторического характера: рекрутчина охватившая деревню, более чем когда-либо прежде, делала крестьянина соучастником войн и политических событий столетия. Ряды сказителей и песенников пополнялись солдатами, теми, кто стариками и инвалидами возвращались в родные места [10].

В целом складывается впечатление, что эту группу деревенского населения составляли люди доброжелательные, открытые, эмоциональные. В образе жизни сказителей обращает на себя внимание их относительно высокая мобильность и широкий круг разнообразных контактов. Многие из них бывали в артельщиках, занимались торговлей и перепродажей, портняжным делом, ходили в коновалах и т.п. Свои знания и искусство передавали индивидуально. Так, известный во второй половине XVIII века олонецкий сказитель Илья Елустафьев обучил былинам Кузьму Романова и знаменитого впоследствии (выступал с былинами в Петербурге) Трофима Рябинина. Последний, в свою очередь, стал основателем целой династии певцов Рябининых.

Паломники. В отличие от многих из предыдущих групп, эта не имела постоянного состава. К паломничеству, т.е. хождению для поклонения к почитаемым святыням, крестьянина или крестьянку могли подтолкнуть как различные жизненные обстоятельства (обет, данный в какой-либо критический момент жизни, желание исцелиться или вымолить исцеление для кого-то из близких и т.п.), так и правила христианского благочестия. Могли возникать на какое-то время паломничества, вызванные слухами о чудодейственной иконе, целебном источнике, местночтимом святом и пр.

Паломничество, при всем его, казалось бы, сугубо личном характере, объективно приобретало некоторые черты общественного служения. В местах массового скопления паломников шел активный процесс взаимного обогащения различного рода сведениями и слухами, происходило знакомство с великолепными архитектурными ансамблями и произведениями искусства, слушались проповеди, укреплялась вера – одним словом, приобретался новый духовный, социальный и эстетический опыт. Он охотно и многократно передавался окружающим по возвращении домой. В центрах паломничества приобретались иконы, книги, "тетрадки" с молитвами, памятные знаки и пр. Это значение паломничества заметно усиливалось, если хождения совершались регулярно. На Европейском Севере, где крестьянин находился в условиях относительной свободы передвижения, а сеть монастырей – преобладающих объектов паломничества – была довольно густой, пиковое время прихода паломников часто совпадало с местным храмовым праздником, а последний – с ярмаркой.

Полагаем необходимым отличать крестьян-паломников от странников, бродячих нищих и калек, т.к. последние составляли особую группу деревенского населения. Связанные с крестьянством генетически, живущие в его среде и, безусловно, также играющие известную роль в его духовно-общественном строе, они имели свои специфические цели паломничества [13; 14]. Нам же в рамках исследуемой темы представляется важным существование целого слоя крестьянского населения, для которого нравственные и религиозные установки оказывались настолько сильны, что выводили на путь паломничества, сочетавшего удовлетворение личных потребностей с чертами общественного служения.

Особую категорию паломников составляли крестьяне-старообрядцы. Их маршруты определялись духовными центрами старообрядчества на Русском Севере [4] и подчинялись иным целям. Паломничества в этой среде порой предшествовали миграциям, массовым переселениям, бегству, созданию скитов. В XVIII веке старообрядческие паломничества в ряде случаев прямо связаны с трагическими страницами в истории раскола - самосожжениями, "горячами" [7; 22].

Знахари. В крестьянской среде всегда существовал традиционный набор лечебных средств природного происхождения. Он зависел от географической и климатической

среды, хозяйственно-бытового уклада и этнокультурных контактов. Сведения о нем передавались из поколения в поколение, и определенным навыком самолечения владели многие. В то же время в каждой округе выделялись наиболее знающие. Чаще всего ими были пожилые люди (например, крестьянки, вырастившие многих детей), охотники, которым приходилось надолго уходить из дому и непосредственно жить среди природы в лесу, а также люди, обнаруживающие особую тягу к врачеванию. Они накапливали знания о болезнях, создавая свои классификации (лихорадки, горячки, надсады и т. п.). Известно, что знахари не только лечили, но и могли предупредить от той или иной болезни, т. е. владели элементами практической профилактики. Некоторые могли справиться с травмами, осуществить родовспоможение. Традиционные приемы лечения, помимо использования препаратов собственного изготовления, включали и воздействие на больных магическими и мануальными средствами, т.е. психофизиологические меры [8; 15; 16; 23].

Профессиональная медицина придет в северную деревню лишь в XIX веке (главным образом, во второй половине), а потому век XVIII оставался еще временем абсолютной монополии деревенских лекарей, чья деятельность носила в таких условиях характер специфического общественного служения. На какое-то время ее значение в сохранении здоровья крестьян и накоплении знаний по практической медицине даже возросло, так как с 1760-х годов северная деревня в значительной степени лишилась монастырских больниц с их богатыми традициями и возможностями. В то же время в условиях нарастающей государственной и церковной регламентации всех сторон деревенской жизни эта деятельность стала сопровождаться известным риском, поскольку знахарство имело свойство пересекаться с колдовством и чародейством, а последние относились к уголовно наказуемым. Это создавало вокруг знахарей особое общественное мнение, сближало их статус с теми маргинальными группами деревенского населения, которые находились как бы "за чертой" мирской жизни.

Разумеется, деревня рождала и другие варианты неформального общественного служения. Так, известно, что крестьянами осознавалось особое положение отставных солдат, вернувшихся в деревню. Крестьянский практицизм не мог

игнорировать их жизненный и социальный опыт. Их подписи под мирскими приговорами выделялись особо, наравне с подписью церковно- или священнослужителя, они приглашались на различного рода расследования, иногда сопровождали мирских посыльщиков. Уважением пользовались деревенские агрономы - знатоки сельскохозяйственного календаря, фенологических и природных наблюдений, мастера рыбных промыслов и др. [6].

Жизненная действительность северной государственной деревни XVIII века показывает, что дошедшие из прошлых веков традиции мирского самоуправления всегда пополнялись новыми формами. Возникали неизвестные ранее мирские обязанности (рекрутские головы, выборные, заседатели), заметно возросла роль всякого рода разовых поручений, в особенности мирских посыльщиков, боровшихся как за общие, так и за групповые интересы. Сложности внутريدеревенских отношений обогатили практику сходов, которая более чем прежде стала отражать различающиеся потребности отдельных слоев крестьянства.

Но независимо от времени общественный характер всегда приобретали некоторые виды, казалось бы, частной деятельности, что, несомненно, усиливало вклад крестьянства в материальную и духовную культуру общества. В лице деревенских знатоков и умельцев, сказителей и книжников, паломников и грамотеев, старожил и знахарей общественная жизнь северной деревни обогащалась новыми смыслами, чувствами и солидарностью.

Конечно, как и прежде, в условиях черносошной деревни все формы общественного служения по сути обеспечивали известное триединство: в одном случае они были служением царю и Отечеству, в другом - Богу и Церкви, в третьем - "миру" и волости.

Список литературы и источников

1. Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (итоги подворной переписи). Архангельск, 1916.
2. Великоустюгский центральный архив. Ф. 594. Оп.1. Д. 7. Л. 76.
3. Воскобойникова Н. П. К вопросу о грамотности северного крестьянства в первой четверти XVIII века // Вклад

северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980. С. 43.

4. Гагарин Ю.В. Очаги старообрядчества на русском Севере в конце XVII-XVIII вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года). Сыктывкар, 1981.

5. Государственный архив Вологодской области. Ф. 831. Оп. 1. Д. 511. Л. 15 -16 об., 26 - 26 об.; Д. 561. Л.18-19., 21-22; Д. 710. Л. 21об.- 23.

6. Государственный архив Вологодской области. Ф. 831. Оп. 1. Д. 561. Л. 22.

7. Есипов Г. Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 2.

8. Ильина И.В. Лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения в народной медицине Коми // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар. 1983.

9. История северного крестьянства. Т. I. Архангельск, 1984. С. 412-413.

10. Исторические песни. Баллады. М., 1986.

11. Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973.

12. Колесников П.А. Промыслово-ремесленная деятельность северного крестьянства в XVIII веке // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 143-148.

13. Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1877.

14. Максимов С.В. По русской земле. М., 1989. С. 17 -128.

15. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986.

16. Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII - первой половине XIX в. Новосибирск, 1989

17. Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф.138. Карт. 2. Д. 18. Л. 3-4; Д. 26. Л. 10-11; Карт. 3. Д. 5. Л. 108-108 об.; Д. 8. Л. 21-21 об., 38-39; Д.12. Л. 4-5.

18. Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 138. Карт. 3. Д. 8. Л. 40 об.-41.

19. Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 138. Карт. 2. Д. 9. Л. 2-22.

20. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983. С. 30.

21. Песни и сказки Белозерского края. Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. М., 1915.

22. Сапожников Д.И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891.

23. Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX-XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1954.